

В. И. Молодин

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ НА ЮГЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ В ПЕРЕХОДНОЕ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ ВРЕМЯ

В статье, посвященной юбилею видного учено-го-скифолога С. А. Скорого, рассмотрены миграционные процессы, зафиксированные при помощи археологических данных на археологических памятниках переходного от бронзы к железу времени на юге Западно-Сибирской равнины, в лесостепном Обь-Иртышском междуречье. Определены основные векторы проникновения мигрантов на данную территорию и их адаптацию в среде аборигенного населения. Главной причиной миграций является географический фактор.

Ключевые слова: *Западно-Сибирская лесостепь, переходное время от эпохи бронзы к раннему железу.*

Сергей Анатольевич Скорый — хорошо известный на постсоветском пространстве ученый, крупный скифолог, внесший весомый вклад в археологию и первобытную историю (Фиалко 2009). Писать в сборник, собираемый в его честь, мне особенно приятно не только потому, что я неплохо знаю и высоко оцениваю его научное творчество, но еще и потому, что мы хорошо знакомы и, ко всему, почти ровесники.

Последнее, на самом деле, немаловажно, поскольку творческий путь ученого мне близок и понятен. Мы дети одной страны, которую, к сожалению, утратили; этапы формирования личности, на мой взгляд, весьма продуманные и оправданные жизнью — школа, армия, работа, университет, аспирантура и так далее — у нас были очень похожи. С. А. Скорый прошел эти ступени. Уже в студенчестве он активно занимался научной работой и участвовал в археологических экспедициях в родном Крыму. И не только участвовал, но уже тогда ему удалось открыть ранее неизвестные археологические

памятники и даже опубликовать несколько статей во всесоюзных изданиях (Высотская, Скорый 1976; Скорый 1977).

Потом была аспирантура в ведущем академическом учреждении Украины — Институте археологии АН УССР (Ныне — Национальная Академия наук Украины), в Отделе археологии раннего железного века. Его научными руководителями были известные скифологи страны — профессора В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин, Е. В. Черненко, что, безусловно, способствовало быстрому написанию кандидатской диссертации, которая была защищена в 1983 г., сразу по окончании аспирантуры.

Талантливый молодой ученый был принят на работу в одно из центральных академических учреждений страны.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что научное творчество Сергея Анатольевича все эти годы было посвящено скифскому времени и проблемам, связанным с этим временем. Этому были посвящены и его кандидатская, и докторская диссертации. Поселенческие и погребальные комплексы преимущественно этой эпохи исследовались С. А. Скорым в Крыму, в правобережной и левобережной лесостепи Украины. На рубеже двух тысячелетий ученый исследовал выдающиеся памятники скифской эпохи — Большой Рыжановский курган и Скифскую могилу на Черкасщине.

В 1997 г. С. А. Скорый защитил докторскую диссертацию и вскоре возглавил родной для него Отдел археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины. На этом посту Сергей Анатольевич успешно трудится и поныне. Под руководством профессора Скорого защищен ряд кандидатских диссертаций, а сам

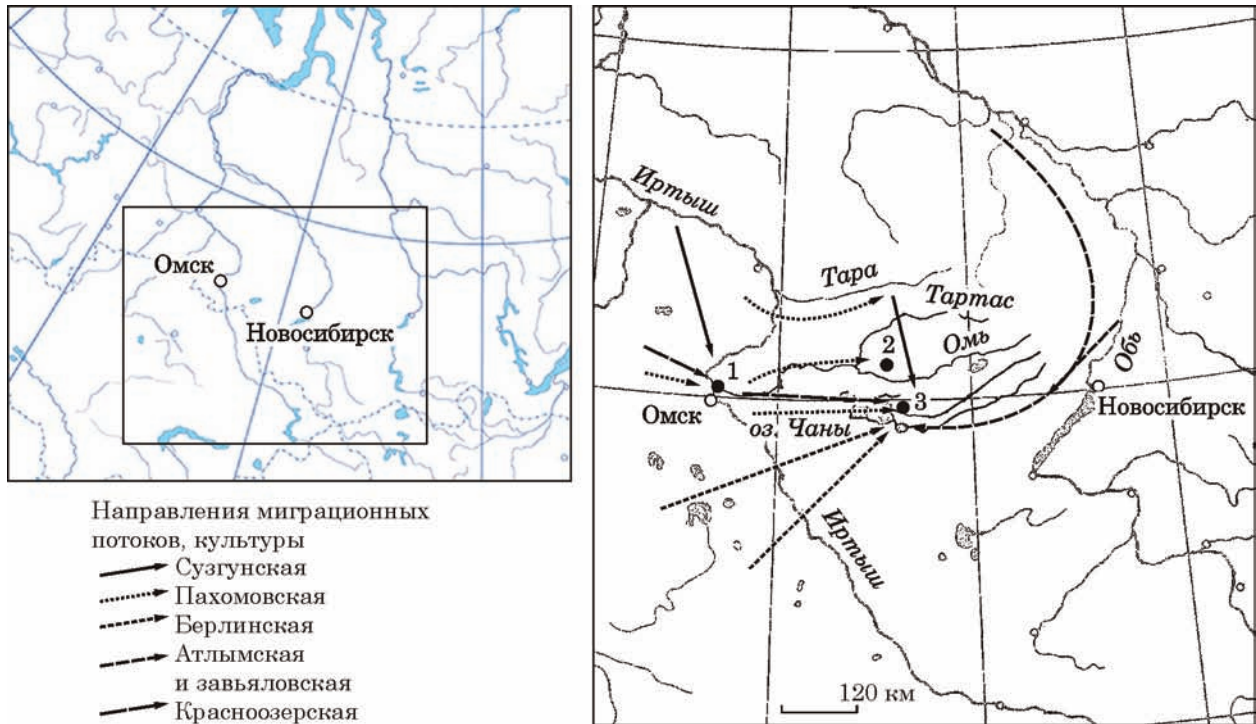

Рис. 1. Карта Юга Западно-Сибирской равнины с обозначением направления миграционных потоков во второй половине X—VIII вв. до н. э.: 1 — городище Большой Лог; 2 — поселение Туруновка 4; 3 — городище Чича

ученый ежегодно проводит активные полевые исследования памятников скифского времени.

Ученый является автором и соавтором 15 монографий и более 300 научных статей, опубликованных как на Украине, так и в других странах Европы и Америки.

Недавно получил в подарок от юбиляра еще одну прекрасную монографию «Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции», написанную в соавторстве с Р. Зимовец (Скорый, Зимовец 2014). Скифская проблематика по-прежнему остается центральной в творчестве Сергея Анатольевича.

Полагаю, что предлагаемый мною очерк, посвященный раннескифскому времени на юге Западно-Сибирской равнины, будет небезынтересен нашему юбиляру.

Лесостепная полоса Западной Сибири, в отличие от более южных территорий Казахстана и Южной Сибири, отличалась своеобразием ландшафтной зоны, равнинным рельефом, обилием озер, речными системами, пересекающими лесостепь в широтном и меридиональном направлении. Прежде всего, именно эти черты отличали Обь-Иртышское лесостепное междуречье от более южных степей Кулунды и Казахстанского мелкосопочника, предгорных и горных районов Алтая, а на севере — от зоны тайги, с обилием болот и труднопроходимых ландшафтов. Особо следует отметить текущие в меридиональном направлении Великие Сибирские реки Обь и Иртыш, связывающие Центральную Азию с побережьем Северного ледовитого океана (рис. 1).

Специфика природно-климатической зоны, еще с периода финального плейстоцена — раннего голоцена, способствовала формированию здесь своеобразных этнокультурных образований, которые испытывали влияние мощных миграционных потоков, периодически охватывающих рассматриваемую территорию вплоть до настоящего времени. Этнокультурная ситуация в регионе существенно меняется лишь в новое историческое время, с приходом и последующим освоением Западно-Сибирских степей и лесостепей отрядами русских землепроходцев-казаков, крестьян и служилых людей.

Согласно заявленной теме, мы коснемся лишь времени формирования культур эпохи раннего железа на территории Обь-Иртышья, синхронных так называемому раннескифскому времени степной Евразии.

В более южных районах Западной Сибири мы наблюдаем классические проявления особенностей, характерных для скифо-сибирского культурно-исторического единства, со всеми типичными признаками (Грязнов 1980; Боковенко, Мошкова, Могильников 1992). В более северных районах Западно-Сибирских лесостепей (и не только Обь-Иртышья) картина складывалась по-иному. Здесь существовали культуры так называемого переходного от эпохи бронзы к железному времени, достаточно четко локализуемые на определенных территориях (Косарев 1987), с гораздо менее выраженными чертами южных культур скифо-сибирского единства. В интересующей нас Обь-Иртышской лесостепи бытовала позднеирменская культура, выяв-

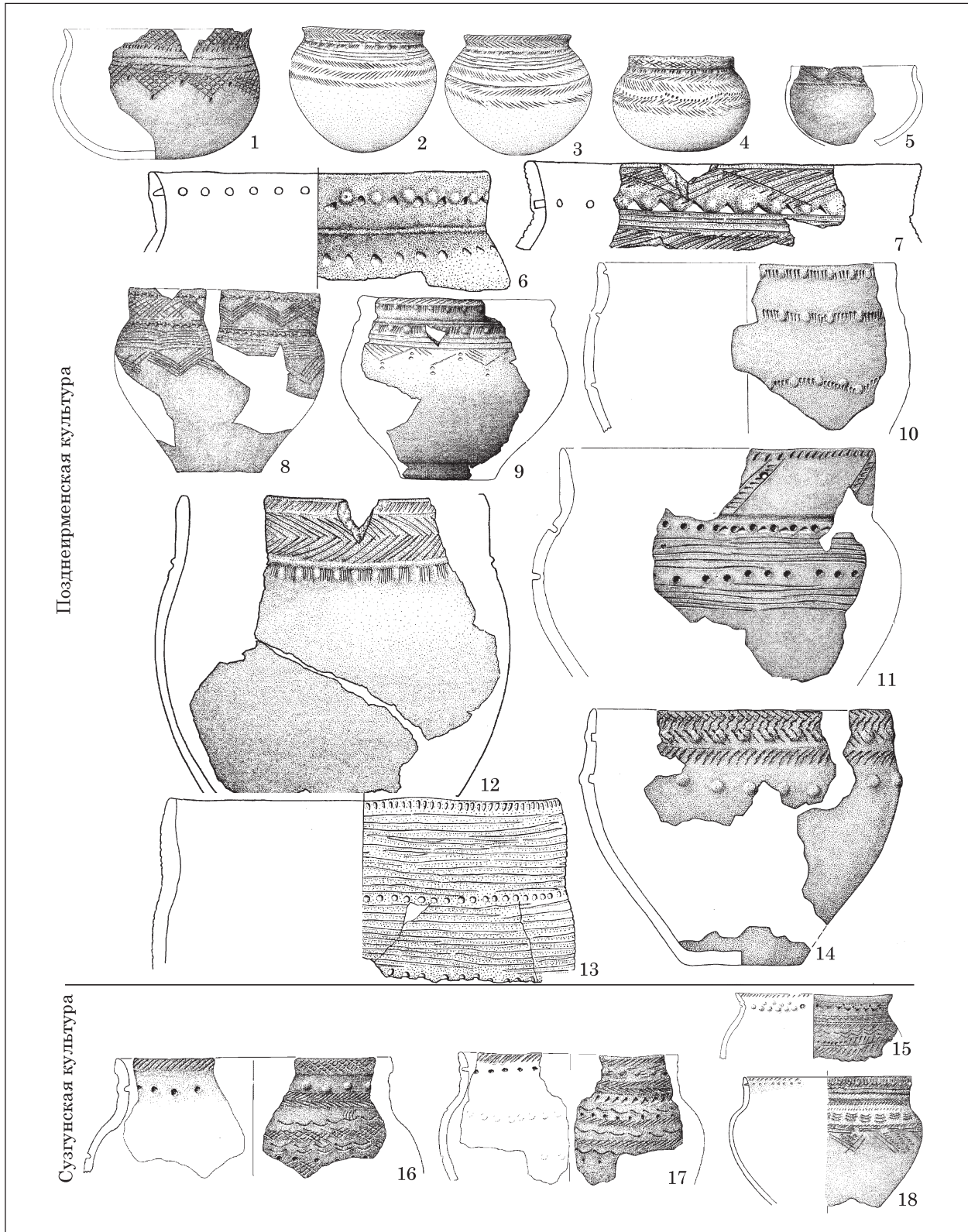

Рис. 2. Керамика переходного от бронзы к железу времени, обнаруженная на городище Чича 1: 1—14 — позднеирменская культура; 15—18 — сузунская культура

ленная автором еще в конце семидесятых годов прошлого века (Молодин 1979) и воспринятая научным сообществом (рис. 2: 1—14). Культура является автохтонной и ее корни уходят в ирменскую культуру эпохи бронзы. По последним данным радиоуглеродного анализа время

существования позднеирменской культуры определяется второй половиной X — VIII вв. до н. э. (Молодин, Парцингер 2009; Scheneeweiss et al., 2018, p. 635—655). Следы проявления культуры прослежены на достаточно большом количестве памятников в лесостепном Обь-Ир-

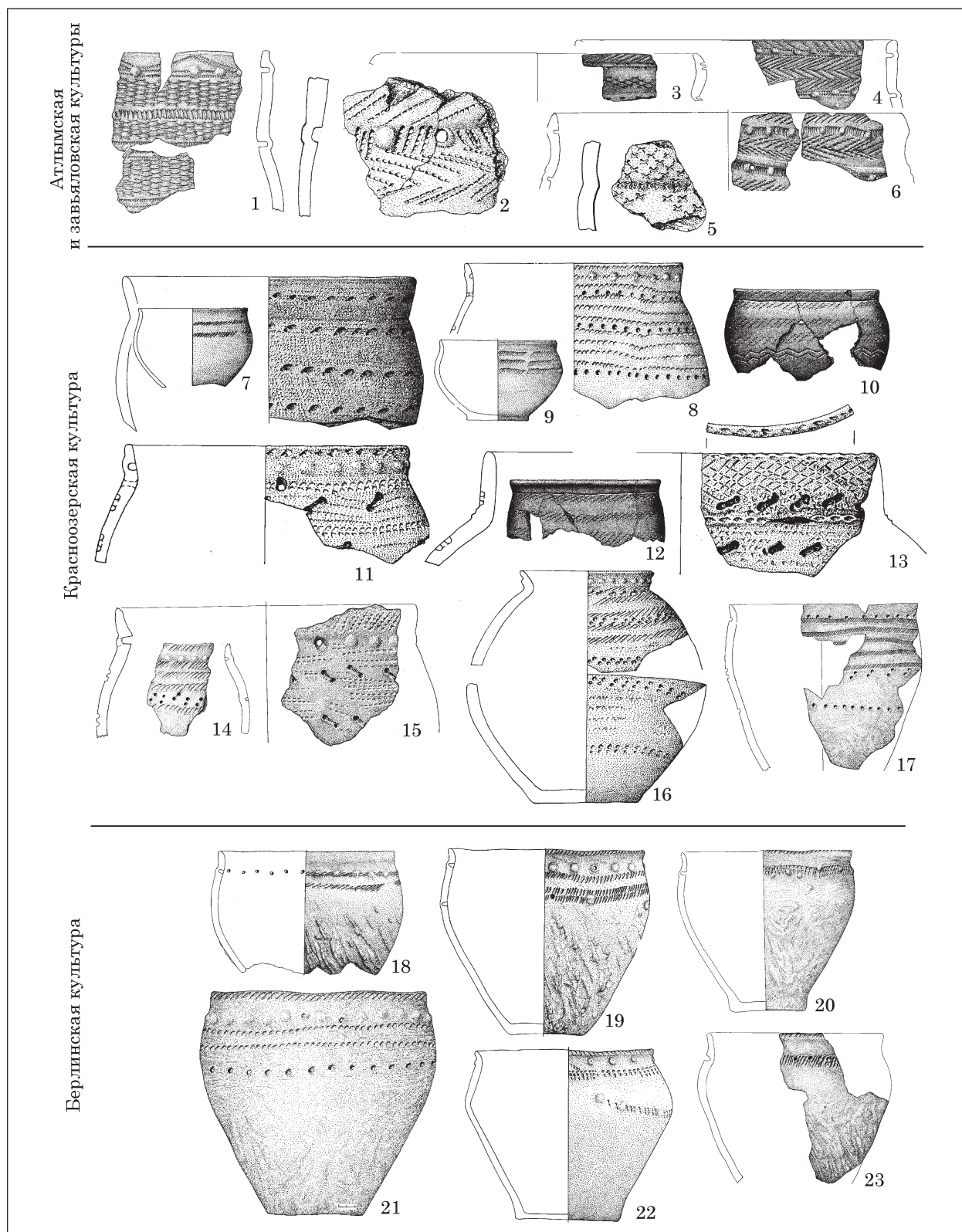

Рис. 3. Керамика переходного от бронзы к железу времени, обнаруженная на городище Чича 1, культура: 1—3 — атлымская; 4—6 — завьяловская; 7—17 — красноозерская; 18—23 — берлинская

тышь (Молодин 1985). Однако наиболее ярко культура представлена — и, на сегодняшний день, лучше всего изучена — на двух городищах и одном поселении. Это Чича 1 в акватории оз. Чаны, одного из крупнейших западносибирских озер (Чича... 2001; 2004; 2009), и

Большой Лог, расположенный недалеко от места впадения р. Омь в р. Иртыш (Членова 1994), а также поселение Туруновка 4 (Молодин, Колонцов 1984) (рис. 1). Отмеченные памятники отличаются не только своими масштабами и возможными перспективами дальнейших ис-

следований, но также уже полученным и введенным в научных оборот высокоинформативным материалом. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволил дать достаточно исчерпывающую характеристику эпохи и, что чрезвычайно важно, выявить направления миграционных потоков в регионе, отличающихся различными векторами движения. Последнее тем более удивительно, поскольку в южном поясе степей мы наблюдаем контакты населения в широтном направлении, что привело к формированию культур, объединенных общими признаками скифо-сибирского культурно-исторического единства (Грязнов 1978; 1979). В то время как в культурах лесостепей Обь-Иртышья наблюдаются активные миграции пришлого населения, направленные как в меридиональном, так и в широтном направлениях (рис. 1). Определить эти миграционные потоки позволили керамические комплексы, обнаруженные при раскопках выше указанных памятников. Стратиграфическое положение последних позволило обоснованно говорить о одновременности их бытования в рамках единого комплекса (Молодин и др., 2009).

На городище Чича 1 эти разнонаправленные культурные потоки зафиксированы наиболее полно и отчетливо. Именно здесь обнаружен керамический комплекс, относящийся к атлымской культуре (рис. 3: 1—3), эпицентр которой приходится на таежную зону Среднего Приобья (Чемякин 2008).

Можно полагать, что передвижение населения с севера на юг (рис. 1) было спровоцировано сильным похолоданием. Геологи называют это явление, произошедшее в VIII в. до н. э., «голоценовым ледниковым периодом» (Левина, Орлова 1993; Зыкин, Зыкина, Орлова 2000), со всеми вытекающими, негативными для региона последствиями. Это и привело к передвижению групп атлымского населения в меридиональном направлении с севера на юг, вероятно, по акватории р. Обь, с последующими отклонениями вектора движения на юго-запад, вдоль р. Каргат и р. Чулым (рис. 1). Вероятно, одним из конечных пунктов передвижения атлымского населения оказалось уже существующее в то время городище Чича, в котором пришельцы дополнили аборигенное население (рис. 3: 1—3).

Скорее всего, по ходу движения к носителям атлымской культуры в южной части таежного Приобья присоединились небольшие группы населения завьяловской культуры (Троицкая 1968), основной поток которых двигался также с севера на юг в Приобье. Вовлеченная в водоворот событий какая-то группа завьяловского населения двинулась, возможно, вместе с атлымским населением на юго-запад, о чем может свидетельствовать небольшой керамический комплекс, обнаруженный на Чиче (рис. 1; 3: 4—6).

Еще один миграционный поток с севера — северо-запада зафиксирован на Чиче в виде количественно небольшого комплекса керамики, связанного с сузгунской культурой (рис. 2: 15—18), занимающей обширные пространства таежной зоны Западной Сибири (Косарев 1981) и лесостепное Тоболо-Ишимье (Потемкина, Корочкова, Стефанов 1995). Ее носители могли проникать в Обь-Иртышскую лесостепь с акватории р. Тара (среднее и, возможно, верхнее течение) и двигаться сухопутными путями на юг через Васюганские болота, а также речными путями (например, р. Тартас), протекающими в меридиональном или близком к меридиональному направлению (рис. 1). Очевидно, что носители сузгунской культуры продвигались с севера на юг и в Прииртышье, где следы пребывания сузгунского населения прослежены на городище Большой Лог (рис. 1).

Второй мощный миграционный поток, фиксируемый в Обь-Иртышской лесостепи, связан с западным, широтным вектором движения обитателей иртышского левобережья. Наиболее массовый поток мигрантов был связан с непосредственными соседями носителей поздней иртышской культуры на западе в Прииртышье — с носителями красноозерской культуры (Абрамова, Стефанов 1985) (рис. 3: 7—17). В иртышском правобережье носители красноозерской культуры обнаружены на городище Большой Лог в низовьях р. Оми, по акватории которой они могли двигаться далее на восток. Кроме того, не следует забывать, что в периоды активных водных трансгрессий, отмеченных в исторических документах (Молодин, Дураков 2008), образовывались два водных прохода, соединяющих р. Иртыш с оз. Чаны. Вдоль этих проходов население красноозерской культуры могло продвигаться крупными группами вплоть до городища Чича, где они и вливались в число обитателей последнего. Находки на Чиче значительного комплекса красноозерской керамики (рис. 3: 7—17) свидетельствуют еще и о том, что где-то на северо-западной территории ее распространения носители красноозерской культуры тесно взаимодействовали с представителями гамаюнской культуры Зауралья (Борзунов 1992). В результате синкретичные красноозерско-гамаюнские комплексы керамики фиксируются далеко на востоке — и на городище Большой Лог (Членова 1994), и, в меньшей степени, на Чиче.

Вообще, р. Тара и р. Омь были традиционными маршрутами, по которым с запада на восток еще с эпохи развитой и поздней бронзы осуществлялись миграционные потоки, в том числе представителей пахомовской культуры, населявших лесостепную часть иртышского левобережья (Корочкова 2010). Адаптировавшись к местным условиям и впитав в себя местные традиции, в правобережном Прииртышье сложился восточный вариант пахомовской куль-

туры, носители которого существовали здесь вплоть до переходного от бронзы к железу времени, вступая в контакты с автохтонным позднейрменским населением (Молодин и др. 2017; Селин 2018).

Не менее отчетливо в керамических комплексах Чичи прослеживается западный — юго-западный вектор миграции, который автор этих строк связывал с керамикой берликского типа Северного Казахстана (рис. 1) (Молодин 2015). Я склонен полагать, что это могла быть особая, своеобразная культура (берликская), отличающаяся от доминирующей в этом регионе алексеевско-саргаринской культуры, но, в тоже время, тесно связанная с последней (рис. 3: 18—23).

Активные проявления берликской культуры мы находим не только на городище Чича, но и памятнике Большой Лог. С этими популяциями очевидно связано проявление южных, юго-западных геномов у населения Чичи (Пилипенко и др., 2008). Основными маршрутами проникновения на восток были существовавшие в то время протоки из р. Иртыш в оз. Чаны, хотя и магистраль вдоль р. Омь могла быть ими также задействована (рис. 1).

Заключение. Выявленные и рассмотренные выше векторы миграционных потоков (рис. 1) свидетельствуют о том, что на протяжении более двух веков на территорию лесостепного Обь-Иртышья активно проникали носители различных археологических культур, обитавших по соседству с данным регионом. Обь-Иртышье привлекало их богатством пастбищных угодий, со стабильным травостоем, несметными богатствами рыбы и дичи, что в равной степени притягивало как скотоводов, так и рыболовов-охотников. В течении этого времени миграционные потоки, по-видимому, сменяли направление и не препятствовали друг другу. Как уже приходилось отмечать (Молодин 2014), в переходное от бронзы к железу время в лесостепной части Западной Сибири, в данном случае в Обь-Иртышье, сложилась мозаичность культурных образований, мирно соседствующих на одной территории. Такому положению вещей способствовала различная направленность палеоэкономики носителей перечисленных культурных образований. Кроме того, нельзя не отметить несомненную толерантность носителей автохтонной позднейрменской культуры, вовлекающей пришельцев в арену своего влияния и даже проживающих вместе с ними на территории одного жилого пространства (городища). Последнее отмечено как на Чиче, так и на Большом Логу.

В заключении стоит добавить, что на миграцию в Обь-Иртышскую лесостепь с юго-запада, т. е. с территории современного Казахстана, могли оказывать влияние обитатели более южных районов, активно связанные с культурами скифо-сибирского мира.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, М. Б., Стефанов, В. И. 1985. Красноозерская культура на Иртыше. В: Молодин, В. И. (ред.). *Археологические исследования в районе новостроек Сибири*. Новосибирск: Наука, с. 103-130.

Боковенко, Н. А., Мошкова, М. Г., Могильников, В. А. 1992. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 151-160.

Борзунов, В. А. 1992. *Зауралье на рубеже бронзового и железного веков*. Екатеринбург: УрГУ.

Высотская, Т. Н., Скорый, С. А. 1976. Работы на Неаполе Скифском и в его округе. *Археологические открытия 1975 г.*, с. 315-316.

Грязнов, М. П. 1978. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан. *Краткие сообщения Института археологии*, 154, с. 9-18.

Грязнов, М. П. 1979. О едином процессе развития скифо-сибирских культур. В: *Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции*. Кемерово: КГПИ, с. 4-7.

Грязнов, М. П. 1980. *Аржан: Царский курган раннесакского времени*. Ленинград: Наука.

Зыкин, В. С., Зыкина, В. С., Орлова, Л. А. 2000. Основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири. *Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири*, 2, с. 208-228.

Корочкова, О. И. 2010. *Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тобола-Иртышья)*. Екатеринбург: УрГУ.

Косарев, М. Ф. 1981. *Бронзовый век Западной Сибири*. Москва: Наука.

Косарев, М. Ф. 1987. Переходное время от бронзового века к железному. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. Москва: Наука, с. 296-304.

Левина, Т. П., Орлова, Л. А. 1993. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири. *Геология и геофизика*, 34, 4, с. 38-55.

Молодин, В. И. 1979. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в новосибирском Приобье и лесостепной Барабе. В: *Материалы Всесоюзной археологической конференции по проблемам скифо-сибирского культурно-исторического единства*. Кемерово: КГПИ, с. 110-112.

Молодин, В. И. 1985. *Бараба в эпоху бронзы*. Новосибирск: Наука.

Молодин, В. И. 2014. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы — переходное время от эпохи бронзы к железному веку, XIV—VIII века до н. э.). *Археология, этнография и антропология Евразии*, 4 (60), с. 54-63.

Молодин, В. И. 2015. Берликская культура в западносибирской лесостепи. В: Тишкин, А. А. (ред.). *Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвященных 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина*. Барнаул: АГУ, с. 237-244.

Молодин, В. И., Дураков, И. А. 2008. О возможных артериях — озеро Чаны — река Иртыш и их роль в культурно-историческом процессе (Западная Сибирь, эпоха бронзы). В: *История и практика ар-*

хеологических исследований: *Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына (Санкт-Петербург, 26—30 ноября 2008 г.)*. Санкт-Петербург, с. 331-337.

Молодин, В. И., Колонцов, С. В. 1984. Туруновка-4 — памятник переходного от бронзы к железу времени. В: Черных, Е. Н. (ред.). *Археология юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: Наука, с. 69-86.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н., Дураков, И. А., Кобелева, Л. С. 2009. Культурная принадлежность городища Чича-1 по данным статистико-планграфического изучения керамических комплексов на разных участках памятника. В: Молодин, В. И., Парцингер, Г. (ред.). *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск; Берлин: ИАЭТ СО РАН, 3, с. 44-50.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н., Селин, Д. В., Нескоров, А. В. 2017. *Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Молодин, В. И., Парцингер, Г. 2009. Хронология памятника Чича-1. В: Молодин, В. И., Парцингер, Г. (ред.). *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 3, с. 51-77.

Пилипенко, А. С., Ромашенко, А. Г., Молодин, В. И., Куликов, И. В., Кобзев, В. Ф., Поздняков, Д. В., Новикова, О. И. 2008. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК. *Археология, этнография, антропология Евразии*, 2, с. 57-67.

Потемкина, Т. М., Корочкова, О. Н., Стефанов, В. М. 1995. *Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы*. Москва: Наука.

Селин, Д. В. 2018. *Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье (восточный вариант пахомовской культуры)*. Автореферат диссертации к. и. н. ИАЭТ СО РАН.

Скорый, С. А. 1977. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма. *Советская археология*, с. 280-281.

Скорый, С., Зимовец, Р. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев.

Троицкая, Т. Н. 1968. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Завьялово Новосибирской области. *Краткие сообщения Института археологии*, 114, с. 99-104.

Фиалко, Е. Е. 2009. Восхождение: к юбилею С. А. Скорого. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа*. Киев; Полтава: ИА НАНУ, с. 5-7.

Чемякин, Ю. П. 2008. *Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность*. Сургут; Омск: Омский дом печати.

Чича... 2001. *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1.

Чича... 2004. *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск; Берлин: ИАЭТ СО РАН, 2.

Чича... 2009. *Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 3.

Членова, Н. Л. 1994. *Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири*. Москва: Пущинский научный центр РАН.

Schneeweiss, J., Becker, F., Molodin, V. I., Parzinger, H., Marchenko, Zh. V., Svyatko, S. V. 2018. Ra-

diocarbon chronology of occupation of the site Chicha and Bayesian statistics for the assessment of a discontinuous transition from Late Bronze to Early Iron Age (West Siberia). *Russian Geology and Geophysics*, 59 (6), p. 635-651.

REFERENCES

Abramova, M. B., Stefanov, V. I. 1985. Krasnoozerskaya kultura na Irtyshe. In: Molodin, V. I. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v rayone novostroyek Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, s. 103-130.

Bokovenko, N. A., Moshkova, M. G., Mogilnikov, V. A. 1992. Osnovnyye problemy v izuchenii pamyatnikov drevnikh skotovodov Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri i Zabaykalia. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moskva: Nauka, s. 151-160.

Borzunov, V. A. 1992. *Zauralye na rubezhe bronzovogo i zheleznoy vekov*. Ekaterinburg: UrGU.

Vysotckaya, T. N., Skoryy, S. A. 1976. Raboty na Neapole Skifskom i v ego okruge. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1975 g.*, s. 315-316.

Gryaznov, M. P. 1978. K voprosu o slozhenii kultur skifosibirskogo tipa v svyazi s otkrytiem kurgana Arzhan. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 154, s. 9-18.

Gryaznov, M. P. 1979. O edinom protsesse razvitiya skifosibirskikh kultur. In: *Problemy skifo-sibirskogo kulturno-istoricheskogo edinstva. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii*. Kemerovo: KGPI, s. 4-7.

Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan: Tsarskiy kurgan rannesakskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.

Zykin, V. S., Zykina, V. S., Orlova, L. A. 2000. Osnovnyye zakonomernosti izmeneniya prirodnoy sredy i klimata v pleystotsene i golotsene Zapadnoy Sibiri. *Problemy rekonstruktsii klimata i prirodnoy sredy golotsena i pleystotsena Sibiri*, 2, s. 208-228.

Korochkova, O. I. 2010. *Vzaimodeystviye kultur v epokhu pozdney bronzy (andronoidnyye drevnosti Tobola-Irtyshia)*. Ekaterinburg: UrGU.

Kosarev, M. F. 1981. *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri*. Moskva: Nauka.

Kosarev, M. F. 1987. Perekhodnoye vremya ot bronzovogo veka k zheleznomu. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR*. Moskva: Nauka, s. 296-304.

Levina, T. P., Orlova, L. A. 1993. Klimaticheskiye ritmy golotsena yuga Zapadnoy Sibiri. *Geologiya i geofizika*, 34, 4, s. 38-55.

Molodin, V. I. 1979. Nekotoryye problemy perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v novosibirskom Priobye i lesostepnoy Barabe. In: *Materialy Vsesoyuznoy arkheologicheskoy konferentsii po problemam skifo-sibirskogo kulturno-istoricheskogo edinstva*. Kemerovo: KGPI, s. 110-112.

Molodin, V. I. 1985. *Baraba v epokhu bronzy*. Novosibirsk: Nauka.

Molodin, V. I. 2014. Etnokulturnaya mozaika v Zapadnoy Barabe (epokha pozdney bronzy — perekhodnoye vremya ot epokhi bronzy k zheleznomu veku, XIV—VIII veka do n. e.). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 4 (60), s. 54-63.

Molodin, V. I. 2015. Berlikskaya kultura v zapadnosibirskoy lesostepi. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy: sbornik statej, posvyashchennykh 70-letiyu prof. Yu. F. Kiryushina*. Barnaul: AGU, s. 237-244.

Molodin, V. I., Durakov, I. A. 2008. O vozmozhnykh arteriyakh — ozero Chany — reka Irtysh i ikh rol v kulturno-istoricheskom protsesse (Zapadnaya Sibir. epokha bronzy). In: *Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR, prof. A. A. Spitsyna (Sankt-Peterburg, 26—30 noyabrya 2008 g.)*. Sankt-Peterburg, s. 331-337.

Molodin, V. I., Kolontsov, S. V. 1984. Turunovka-4 — pamyatnik perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni. In:

V. I. Molodin

MIGRATION FLOWS IN THE SOUTH OF WEST SIBERIAN PLANE DURING THE LATE BRONZE AGE TO IRON AGE TRANSITION

The article is dedicated to anniversary of a brilliant scientist, an outstanding scythologist S. A. Skoryy. I suppose this essay, devoted to the Early Scythian period in the south of West Siberian Plain, will be interesting for our hero of the day. The article presents the reconstruction of migration flows during the Late Bronze to Iron Age transition in the south of West Siberian plane based on archaeological data from Chicha 1 and Bolshoy Log settlements. The main vectors of migration flows, revealed and described in this article, indicate a strong penetration of different archaeological cultures to the Ob-Irtysh forest steppe. The bearers of Suzgun, Atlym, Berlik and other cultures that occupied nearby territories for more than two centuries have adapted to aboriginal late Irmen population. The Ob-Irtysh area was an attractive place for living. The abundant pastures with a stable herbage yields and the wealth of fish and game equally attracted both herdsmen and fishermen-hunters. Apparently, during this time the migration flows changed their directions and didn't get in each other's way. The mosaic of cultural formations peacefully shared Ob-Irtysh area was developed in the south of West Siberian plane during Bronze to Iron Age transition. This has been possible because of the different orientation of paleoeconomy of these societies. Besides, it must be noted that the bearers of aboriginal late Irmen culture were quite tolerant. They involved newcomers in their influence arena and even lived with them on the one living space area, e. g. on settlements. This evidence of this behavior was discovered on Chicha 1 and Bolshoy Log sites for instance.

Keywords: West Siberian forest steppe, Bronze to Iron Age transition.

Одержано 1.02.2019

МОЛОДИН В'ячеслав Іванович, академік РАН, доктор історичних наук, професор, завідувач відділом, головний науковий співробітник, радник директора, Інститут археології і етнографії Сибірського відділу РАН, пр-кт акад. Лаврент'єва, 17, Новосибірськ, 630090, Росія, Molodin@archaeology.nsc.ru.
MOLODIN Viacheslav I., Doctor of Historical Sciences, academician of RAS, Head of Department, Principal Researcher, Director Adviser, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Pr-kt akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia, Molodin@archaeology.nsc.ru.

Chernykh, E. N. (ed.). *Arkheologiya yuga Sibiri i Dalnego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, s. 69-86.

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Durakov, I. A., Kobeleva, L. S. 2009. Kulturnaya prinadlezhnost gorodishcha Chicha-1 po dannym statistiko-planigraficheskogo izucheniya keramicheskikh kompleksov na raznykh uchastkakh pamyatnika. In: Molodin, V. I., Partzinger, G. (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi*. Novosibirsk; Berlin: IAET SO RAN, 3, s. 44-50.

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Selin, D. V., Neskorov, A. V. 2017. *Vostochnyy variant pakhomovskoy kultury v Tsentralnoy Barabe*. Novosibirsk: IAET SO RAN.

Molodin, V. I., Partzinger, G. 2009. Khronologiya pamyatnika Chicha-1. In: Molodin, V. I., Partzinger, G. (ed.). *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 3, s. 51-77.

Pilipenko, A. S., Romashchenko, A. G., Molodin, V. I., Kulikov, I. V., Kobzev, V. F., Pozdnyakov, D. V., Novikova, O. I. 2008. Osobennosti zakhoroneniya mladentsev v zhilishchakh gorodishcha Chicha-1 v Barabinskoy lesostepi po dannym analiza struktury DNK. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2, s. 57-67.

Potemkina, T. M., Korochkova, O. N., Stefanov, V. M. 1995. *Lesnoye Tobolo-Irtyshye v kontse epokhi bronzy*. Moskva: Nauka.

Selin, D. V. 2018. *Epokha finalnoy bronzy v pravoberezhnom Priirtyshye (vostochnyy variant pakhomovskoy kultury)*. Avtoreferat dissertatsii k. i. n. IAET SO RAN, Novosibirsk.

Skoryy, S. A. 1977. Ranneskiyskiy mech iz s. Izyumovka bliz Starogo Kryma. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 280-281.

Skoryy, S., Zimovets, R. 2014. Skifskiy drevnosti Kryma. *Materialy odnoy kolleksii*. Kiev.

Troitskaya, T. N. 1968. Poseleniye VII—VI vv. do n. e. u s. Zavialovo Novosibirskoy oblasti. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 114, s. 99-104.

Fialko, E. E. 2009. Voskhodzheniye: k yubileyu S. A. Skorogo. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza*. Kiev; Poltava: IA NANU, s. 5-7.

Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova gora. Ocherki arkheologii Surgut'skogo Priobia*. Drevnost. Surgut; Omsk: Omskiy dom pečati.

Chicha... 2001. *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1.

Chicha... 2004. *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi*. Novosibirsk-Berlin: IAET SO RAN, 2.

Chicha... 2009. *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 3.

Chlenova, N. L. 1994. *Pamyatniki kontsa epokhi bronzy v Zapadnoy Sibiri*. Moskva: Pushchinskiy nauchnyy tsentr RAN.

Schneeweiss, J., Becker, F., Molodin, V. I., Parzinger, H., Marchenko, Zh. V., Svyatko, S. V. 2018. Radiocarbon chronology of occupation of the site Chicha and Bayesian statistics for the assessment of a discontinuous transition from Late Bronze to Early Iron Age (West Siberia). *Russian Geology and Geophysics*, 59 (6), p. 635-651.